
УДК 398.8(811.512.156)
DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-22-31

**Колыбельные тувинцев: по экспедиционным материалам
Новосибирской консерватории и Института филологии СО РАН**

Е. Л. Тирон

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

В статье представлены результаты этномузыкологического исследования колыбельных песен и колыбельных укачиваний тувинцев, которые были записаны в ходе экспедиций в Туву сотрудниками Новосибирской консерватории, Института филологии СО РАН и их тувинскими коллегами. Анализируя терминологию, применяемую носителями традиции по отношению к данной сфере народного творчества, автор выявил существование четырех видов колыбельных: колыбельные песни, колыбельные укачивания, колыбельное горловое пение и колыбельные, исполняемые с болтанием языком из стороны в сторону. Первые два вида относятся к жанровой характеристике, а последние два определяют тембровую специфику интонирования. В результате исследования автор приходит к выводу о неоднородности жанра колыбельных, который свидетельствует о разновременном характере появления колыбельных укачиваний и колыбельных песен тувинцев.

Ключевые слова

колыбельные песни, колыбельные укачивания, материнский фольклор, тувинцы, этномузыковедение

Для цитирования

Тирон Е. Л. Колыбельные тувинцев: по экспедиционным материалам Новосибирской консерватории и Института филологии СО РАН // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 1 (вып. 43). С. 22–31. DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-22-31

**Lullabies of Tuvans: based on the field materials of the Novosibirsk Conservatory and
the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

E. L. Tiron

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The genre of lullabies of Tuvans has been poorly studied. A precious little number of musical transcriptions of melodies of Tuvan lullabies have been published. This paper presents the results of an ethnomusicological study of a lullaby songs and rocking lullabies of the Tuvans using the recordings made during the expeditions to Tuva by ethnomusicologists and philologists of the Novosibirsk Conservatory and the Institute of Philology of the SB RAS. Some expeditions took place in cooperation with Tuvan colleagues. The analysis of the folk terminology used by the bearers of tradition in relation to this field of folk art has revealed four types of lullabies: lullaby

© Е. Л. Тирон, 2022

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 1 (вып. 43)

Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2022. No. 1 (iss. 43)

songs, rocking lullabies, throat singing lullabies, and lullabies performed with tongue trembling. The first two types refer to genre characteristics, while the last two specify the timbre specifics of intonation. The study led the author to draw a conclusion about the heterogeneity of the lullaby genre, indicating the multi-temporal nature of the appearance of lullaby songs and rocking lullabies of the Tuvans. Of importance is the observation that lullaby style accumulates many genres of ethnic intonation culture. It is through lullabies that a child is introduced to the intonational world of his ethnic culture. This work also provides comparative observations on terminology, cradle words, and the function of lullabies among the Turkic and Mongolian peoples of Siberia: Altaians, Shors, Khakas, Yakuts, Siberian Tatars, as well as Buryats and Mongols.

Keywords

lullaby songs, rocking lullabies, mother folklore, Tuvans, ethnomusicology

For citation

Tiron E. L. Kolybel'nye tuvintsev: po ekspeditsionnym materialam Novosibirskoy konservatorii i Instituta filologii SO RAN [Lullabies of Tuvans: based on the field materials of the Novosibirsk Conservatory and the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2022, no. 1 (iss. 43), pp. 22–31. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-22-31

История изучения и публикации. Колыбельные песни тувинцев являются одной из малоизученных сфер традиционной тувинской музыки. Среди филологических работ, посвященных данному жанру, отметим статью фольклориста и писателя Ч. Ч. Куулара «О поэзии пестования в тувинском фольклоре» [1973]. Культурологическое освещение тема детского фольклора тувинцев в последние годы получила в научных работах Ч. А. Кара-оол [2015а, 2015б, 2015в]. Интересно, например, ее упоминание исполнения колыбельных для детей внутриутробного периода развития. Основной вклад в разработку данной темы был сделан музыковедами А. Н. Аксёновым [1964] и З. К. Кыргыс [1992, 2005, 2015]. Исследователи различают два жанра колыбельных: это мелодические речитации *уруг опейлээр* и песни *өпөй ыры*. Мелодические речитации родственны скотоводческим заговорам и шаманским напевам, колыбельные песни – песенным жанрам *ырлар* и *кожамыктар*. Кроме того, З. К. Кыргыс отмечает наличие образцов со смешанными признаками и выделяет разновидность мужских колыбельных, исполняющихся горловым пением *өпөй хөөмөй* [2002]. В трудах музыковедов было опубликовано всего 14 мелодий колыбельных песен и укачиваний, что крайне недостаточно для всесторонней характеристики данной жанровой сферы.

Материал и цель исследования. Вместе с тем проведение комплексного исследования колыбельных песен тувинцев возможно на материалах, собранных новосибирскими этномузыковедами и фольклористами, часто в сотрудничестве с тувинскими коллегами (см. табл. на с. 20). Начало собирательской работы новосибирских ученых в Туве относится еще к 1980-м гг., однако только с 1997 г. в рамках проекта по изучению локальных особенностей тувинской музыкальной культуры, инициированного Г. Б. Сыченко, экспедиционная работа приняла системный характер. В доступных экспедиционных материалах содержится около 150 образцов, относящихся к сфере колыбельных песен.

К настоящему времени на материалах данных экспедиционных записей изучены колыбельные Тоджинского, Эрзинского, Бай-Тайгинского и Овюрского районов, результаты исследований локальных традиций представлены в научных публикациях [Кан-оол, 2018, 2019; Тирон, 2009, 2019, 2022]. Кроме того, важная информация содержится и в статьях, представляющих полевые наблюдения собирателей [Кондратьева, Новикова, 2005; Тирон, Кан-оол, 2010; Сыченко, Тирон, Кан-оол, 2011; Монгуш, Тирон, 2016]. Целью настоящей статьи является обобщение имеющихся результатов исследования тувинских колыбельных.

Народная терминология. На уровне терминологии, применяемой тувинцами по отношению к **колыбельным песенного типа**, наблюдается повсеместное выделение жанрового определения *өпөй ыры*. Термин *ыры* ‘песня’ используется у тувинцев также для обозначения лирического песенного жанра *ыры*, шаманских песнопений *хам ыры* и свадебных песен *куда ыры*. Родственные термины, использующиеся по отношению к песням, встречаются у тофаларов (*ыр*), хакасов (*ыр*), якутов (*ырыа*), сибирских татар (*ер*) и казахов (*жыр*).

Экспедиции в Туву
Expeditions to Tuva

Год	Район	Организация ¹	Участники	Место хранения материалов
1984	Сут-Хольский	ИФЛ СО РАН, ТНИИЯЛИ	А. Б. Соктоев (рук.), Д. С. Куулар, Ю. И. Шейкин, С. К. Павлючик, З. К. Кыргыз, М. Л. Дидык, В. Т. Новиков	НГК, ИФЛ СО РАН, ТИГПИ
1987(?)	Тоджинский	НГК	Р. Б. Назаренко (рук.)	неизв.
1997	Тоджинский	НГК	Г. Б. Сыченко (рук.), О. В. Дондупова (Новикова)	НГК
1999	Тоджинский	НГК	Г. Б. Сыченко (рук.), Н. М. Сковорцова	НГК
2001	Бай-Тайгинский	ИФЛ СО РАН, ТИГИ	Н. А. Алексеев (рук.), Л. Н. Арбачакова, Г. Е. Солдатова, Н. С. Уртегешев, Ж. М. Юша, Б. Баярсайхан, А. С. Донгак, У. А. Донгак, Д. С. Куулар, Р. С. Куулар, З. К. Кыргыз, Э. Б. Мижит, В. С. Салчак, З. Б. Самдан	ИФЛ СО РАН, ТИГПИ
2003	Тоджинский	ИФЛ СО РАН, ТИГИ	Г. Б. Сыченко (рук.), С. М. Орус-оол, Ж. М. Юша, К. А. Сагалаев, Е. Л. Крупич (Тирон), О. К. Шыырап, Ч. С. Чондан	НГК, ИФЛ СО РАН, ТИГПИ
2005	Эрзинский	НГК	Г. Б. Сыченко (рук.), Е. Л. Крупич (Тирон), А. Х. Кан-оол	Личные архивы собирателей
2005	Сут-Хольский	НГК	Н. М. Кондратьева (рук.), О. В. Новикова, М. М. Бадыргы, М. А. Петрунина	Личные архивы собирателей
2007	Тере-Хольский, Эрзинский, Тес-Хемский	НГК	Г. Б. Сыченко (рук.), А. Х. Кан-оол	Личные архивы собирателей
2008	Монгун-Тайгинский	НГК	Г. Б. Сыченко (рук.), А. Х. Кан-оол, А. Д.-Б. Монгуш	Личные архивы собирателей
2009	Овюрский	НГК	Е. Л. Тирон (рук.), А. Х. Кан-оол, М. М. Бадыргы	Личные архивы собирателей
2015	Тере-Хольский	ИФЛ СО РАН	Е. Л. Тирон (рук.), У. О. Монгуш	Личные архивы собирателей
2017	Тоджинский	НГК	Г. Б. Сыченко (рук.), Ф. Лулья, А. Х. Кан-оол, Е. Л. Тирон	Личные архивы собирателей

Слово *өней* является баюкальным. Интересно отметить, что у соседних этносов оно не зафиксировано. Ч. А. Кара-оол упоминает, что у тувинцев оно также употребляется в качестве второго ласкового имени ребенка, встречаются в детских кличках для мальчика «*өней-оол*», для девочки – «*өней-кыс*» [2015в, с. 62].

Не совсем точно переводить термин *өней* как колыбельная, поскольку колыбель по-тувински – *кавай*. Слово *кавай* по какой-то причине в жанровой терминологии не зафиксировано. Хотя, например, у некоторых других тюркских этносов Сибири имеются термины, производные от слов «колыбель, люлька»: алт. *кабай кожон* ‘колыбельная песня’, як. *биһик ырыата* ‘колыбельная песня’, тат. *бишек ер* ‘колыбельная песня’. У хакасов и шорцев для обозначения колыбельных песен так же, как и у ту-

¹ ИФЛ СО РАН – Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук; НГК – Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки; ТНИИЯЛИ – ТИГИ – ТИГПИ в разные годы: Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Тувинский институт гуманитарных исследований, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при правительстве Республики Тыва.

винцев, не используются слова, производные от слова «колыбель», а функционируют производные от баюкальных слов: хак. *пала абытчаң сарын* ‘ребёнка укачивающая песня’, шор. *палымбай сарын* ‘моего ребёнка убаюкивающая песня’ (*нежик* ‘колыбель’). По-видимому, точнее было бы переводить термин *өпей ыры* как ‘баюкальная песня’.

Отметим, что в современном тувинском языке имеются две разные глагольные формы, происходящие от омонимичной основы *өпей*: *өпейле* ‘баюкать, убаюкивать’ и *өпеер* ‘вздыхаться, вырастать’. Вопрос о том, была ли у этих слов в прошлом общая основа, требует специального лингвистического исследования. Мы считаем, что общность этих основ вполне вероятна, поскольку при таком понимании раскрывается продуцирующая семантика баюкальных слов – пожелания вырасти. Магическая сила и заклинательный характер баюкальных слов усиливаются их многократными повторами. Отметим, что на аналогичном повторе определенных для каждого вида домашнего скота заклинательных слов построены и скотоводческие заговоры приучения самки к детенышу.

Для **колыбельных укачиваний** у тувинцев в основном используются термины, производные от глаголов *өпейлээр* ‘баюкать, убаюкивать’, *чайгаар* и *аадар* ‘укачивать’, *удудар* ‘укладывать спать; усыплять’, а также указывается адресат – *уруг* ‘ребенок’, *чаи уруг* ‘грудничок’, *бичи уруг* ‘младенец’. Таким образом, при обозначении колыбельных укачиваний используются слова, обозначающие адресата – ребенка и действие взрослого, совершаемое по отношению к нему.

В экспедициях зафиксированы также термины, которые подчеркивают особую тембровую подачу колыбельной: *өпей хөөмей* ‘колыбельное горловое пение’ и *дылын булгап өпейлээр* ‘болтая языком убаюкивать’.

Итак, анализ народной терминологии выявил существование четырех видов колыбельных: колыбельные песни, колыбельные укачивания, колыбельное горловое пение и колыбельные, исполняемые с болтанием языком из стороны в сторону. Первые два вида относятся к жанровой характеристике, а последние два определяют тембровую специфику интонирования.

Разновидности колыбельных. Укачивания представляют собой наиболее архаичный вид колыбельных, которые импровизируются на многократно повторяемые баюкальные слова. Импровизационный характер исполнения укачиваний проявляется и на вербальном, и на музыкальном уровнях. Так, в колыбельном укачивании, записанном от А. И. Седипа из Бай-Тайгинского района, многократно повторяются слова *өпей* и его вариант *өпеяаң*, а также используется ласковое обращение к ребенку *сарыым* ‘моя любимая’ и просьба о скорейшем засыпании: *удуп көрөм* ‘усни-ка’ (нотированный образец приводится в [Тирон, 2019, с. 159]). Композиция укачивания имеет свободный характер – слоговый состав стихов неодинаков, строфовой организации не наблюдается. Распевы в мелодике отсутствуют, т. е. слог соответствует ноте. Мелодия укачивания развивается в узкообъемном ангеми-tonном звукоряде *e-G-a-h*.

Имеются и более строгие по композиции укачивания, в которых наблюдается дистишная структура строфы. Такая композиция характерна для колыбельного укачивания, записанного от А. М. Чысынаа из Овюрского района (нотировку см.: [Тирон, 2022]). Форма поддерживается начальной аллитерацией и конечной рифмой, которые создаются благодаря повтору баюкальных слов *өпей*, *үвей*, *увай* и их производных *өпейлейн*, *үвейлейн* и *увайлейн*². Равносложность и какая-либо закономерность появления той или иной продолжительности стиха отсутствуют, что обусловлено импровизационной природой жанра. В мелодическом плане повторности песенных строф не наблюдается, также главенствует импровизация. Ладовая организация мелодии основана на звукоряде *e-G-a-h-cis*, целотоновая последовательность четырех ступеней которого является основой мелодического движения и вообще характерна для колыбельных тувинцев.

Колыбельные песенного типа близки народным песням тувинцев: они отличаются более развитым поэтическим текстом, строфичной композицией (двух- или четырехстрочной), тяготением к 8-сложной организации стиха. Традиционные баюкальные слова обязательно присутствуют в колыбельных песнях, но имеются также и разнообразные ласковые обращения к ребенку, подчеркиваю-

² Баюкальные слова тувинцев близки баюкальным словам *öböy* алтайцев, *бай-бай* и *онай-онай* шорцев, *бай-бай*, *бәү-бәү* сибирских татар, *өөбөй*, *бүүбэй*, *бүүвэй* бурят и *бүүвэй* монголов. Удивляют также совпадения с рус. *бай-бай* или англ. *bye-bye*.

щие родственные отношения, например, *кызымайны* ‘моя доченька’. В колыбельных песнях встречаются и негативные обращения: например, *багай уруум* ‘плохонький ребенок’. Кроме того, могут использоваться эпитеты, в которых проявляются материнские чувства, например, *сарым* ‘милая(ый)’, *чассыг* ‘ласковая(ый)’, или описываются особенности внешности ребенка: *сарыг баитыым* ‘светло-волосая моя’. Также появляются ласковые сравнения укачиваемого с собачонкой или совенком. Встречаются упоминания матери, старшей сестры, колыбели *кавай* и связанных с младенцем реалий – сухого навоза *өдек* в качестве подстилки, мягкой козлиной шерсти *өшкү дүгүн чымчаглааштын* в качестве покрывала. Иногда в текстах колыбельных песен появляется обеспокоенность за обеспеченность будущей жизни ребенка: *Аът чокка, оой, чүнү мунар, оой!* ‘Коня нет, ой, как же будет ездить, ой!’; *Идик чокка, оой, чүнү кедер, оой!* ‘Обуви нет, ой, что же будет носить, ой!’

В музыкальном плане колыбельные песни, в отличие от укачиваний, имеют устойчивые напевы. Они могут исполняться на напевы, использующиеся только в жанре колыбельных песен, либо на типовые напевы, распространенные в жанре *кожамык*. Повсеместно в Туве распространено исполнение колыбельных песен на напев, закрепившийся за данным жанром. В 1938 г. он был впервые зафиксирован Максимом Мунзуком в Чоон-Хемчикском районе Тувы [Ырлар, 1956, с. 204]. В 1943 г. выдающийся тувинский писатель Степан Сарыг-оол наложил на эту мелодию свой текст, который с течением времени закрепился за народным напевом [Сарыг-оол, 1973, с. 181–182]. В таком виде эта колыбельная публикуется во всех песенных нотных сборниках. В материалах из Овюрского района десять из тринадцати образцов исполнены с авторским текстом Степана Сарыг-оола, что, по-видимому, связано с тем, что писатель является уроженцем этого района [Тиرون, 2022]. В авторском поэтическом тексте содержится три строфы, включающие четыре 8-сложных стиха структуры 4 + 4. Начала стихов в строфе маркированы аллитерацией, концы – вставными междометиями. Такие структурные характеристики присущи песенным жанрам *ыр* и *кожамык*.

В народной среде этот напев продолжает исполняться и с народными текстами, что подтверждается записями из эрзинского, тере-хольского и бай-тайгинского районов. Интересный вариант текста на данный напев исполнен А. Т. Манайдары из Овюрского района (нотировку см.: [Тиرون, 2022]). Этот образец по тематике близок жанру сиротских песен *өскүстүң ырызы* (см., например: [Кыргыз, 2015, с. 208]). Текст основан на параллелизме: в первом двустишии говорится о страхе перед смертью, когда тело бросают в таежную ложбину. Во второй – о страхе, испытываемом человеком, которого отправляют к чужим людям (по-видимому, речь идет о замужестве).

Другой вариант песенных колыбельных – исполнение на типовой напев, характерный для песенного жанра *кожамык*. Например, образец, записанный от Р. И. Чогээ из Бай-Тайгинского района, основан на типовом напеве с индексом 5.Е.01³. Особенностью использования типового напева в колыбельной является то, что его ритмическая и композиционная основа получает более свободную трактовку (нотировку см.: [Тиرون, 2019, с. 164]). В *кожамык* этот напев реализуется в типовой слогоритмике, включающей восемь коротких времен-слогонот. В колыбельной строки в основном 7-сложные и реализуются с помощью двукратного удлинения последнего слога. Структура строфы также оказывается нестабильна: в первой строфе содержится четыре строки (как и в жанре песен), во второй – всего три. Звукоряд колыбельной снова содержит целотоновую последовательность с субтерцией: *e-g-A-h-cis*².

Интересно, что на данный типовой напев в тоджинской традиции была исполнена песенная вставка в анекдоте о находчивой неверной жене, которая с помощью колыбельной песни предупреждает любовника о внезапном возвращении мужа. Этот пример был проанализирован и сравнен с сагайским вариантом в статье Г. Б. Сыченко [2016].

Перейдем к рассмотрению колыбельных, исполняемых с особыми тембровыми маркерами. Интересным является использование тувинцами **приема болтания языком**, до настоящего времени не отраженного в тувиноведении. Этот специфический тембр, по классификации В. В. Мазепуса, является билатеральным лабиолингвальным тремолирующим сонантом [Мазепус, 1998]. Он может использоваться на протяжении всей колыбельной, как в образце записанном от А. К. Калзан из Тере-Хольского района [Монгуш, Тиرون, 2016], а может появляться эпизодически. Так, в колыбельной З. С.-М. Серен-Чимит из

³ О системе индексации типовых напевов см.: [Тиرون, 2015].

Бай-Тайгинского района прием болтания языком вкрапляется на долгих звуках у в некоторых строках [Тирон, 2019, с. 160]. Подобный тембровый прием зафиксирован в колыбельных песнях алтайцев и чатов [Капицына, 2010; Кондратьева, Мазепус, Сыченко, 1999].

Еще один тембровый вариант исполнения колыбельных – это **горловое колыбельное пение**. Наличие у тувинцев традиции *өней хөөмей* впервые зафиксировано З. К. Кыргыз; *өней хөөмей*, по ее мнению, и «стал источником всех других приемов горлового пения тувинцев: *хөөмей, каргыраа, сыгыт, борбаңнадыр, эзеңгилээр*» [Кыргыз, 2005, с. 28]. Образцы горлового колыбельного пения были зафиксированы в экспедициях новосибирских ученых в Бай-Тайгинском, Эрзинском, Тере-Хольском и Тес-Хемском районах. Поскольку в традиционной культуре тувинцев существует запрет на женское исполнение горлового пения, отнесем данную разновидность к мужской традиции. Рассмотрим образец горлового колыбельного пения, который был исполнен Ч. Л. Ынаалай из Эрзина. Он опубликован на мультимедиадиске «Музыкальный фольклор Эрзинского кожууна»⁴. По основным закономерностям этот образец можно отнести к колыбельным укачиваниям. Горловое пение используется здесь на протяжении всего исполнения, в отличие от описанного З. К. Кыргыз вставного характера горлового пения в песенных колыбельных [Кыргыз, 2002]. Вероятно, в традиции имеются разнообразные формы применения горлового пения в колыбельных, которые еще предстоит классифицировать.

Выводы. Таким образом, жанр колыбельных тувинцев аккумулирует в себе отдельные элементы из разных жанровых составляющих интонационной культуры этноса. Разнообразие колыбельных песен и укачиваний вводит ребенка в мир тувинского фольклора: песенного, обрядового, традиции горлового пения, а также нарративных жанров. К подобному выводу пришла в свое время Н. М. Кондратьева, анализируя алтайские колыбельные: «Колыбельные, поющие ребенка, с одной стороны, оказывают успокаивающее воздействие на его нервную систему, а с другой – вводят его в интонационный мир этнической культуры» [Кондратьева, Сыченко, 1997, с. 237]. Традиция колыбельных алтайцев «моделирует интонационную культуру в целом, преломляя характерные черты других жанров; при этом некоторые грамматические нормы моделируемых традиций в колыбельных подвергаются закономерной трансформации» [Там же, с. 237]. Аналогичные характеристики находим и при анализе тувинских колыбельных. Так, например, обнаруживается свободная трактовка мелодики, ритмики и композиции типовых напевов, которые в песнях жанра *кожамык* используются довольно строго [Тирон, 2015].

Интересно отметить, что противопоставление песенных колыбельных *кабай кожон* и колыбельных укачиваний *баланы јайкар* ‘ребенка укачивать’, *баланы уйуктадар* ‘ребенка усыплять’ выявлено и на материале теленгитских колыбельных [Кондратьева, 1988]. У чалканцев по отношению к колыбельным используются термины *сарын* ‘песня’ и *бай-бай, балам байлап іат* ‘мой ребенок засыпает’ [Кондратьева, 1989].

По мнению Н. М. Кондратьевой, колыбельные **песни** выполняют эстетическую и воспитательную функции, соответствуют основным закономерностям песенно-поэтической традиции *кожон*. Колыбельные **укачивания** выполняют функцию магического успокоения ребенка и по структурным параметрам оказываются близки к скотоводческим заговорам. Кроме того, исследователем выделены колыбельные, исполняемые с тремолирования языка, а также мужские колыбельные, исполняемые *каем* – сакральным горловым типом интонирования, характерным для эпической традиции алтайцев. Схожие наблюдения по отношению к колыбельным тувинских и алтайских этносов говорят о родстве традиций тюркских народов, а также о возможной универсальности устройства колыбельной традиции.

Неоднородный характер жанра колыбельных свидетельствует о разновременном характере появления той или иной разновидности. Так, к наиболее архаичным отнесем колыбельные укачивания, исполняемые в импровизационной манере исключительно на баюкальные слова. К самому древнему пласту, по нашему мнению, относятся бестекстовые колыбельные, исполняемые с тремолированием

⁴ Сыченко Г. Б., Тирон Е. Л., Кан-оол А. Х. Музыкальный фольклор Эрзинского кожууна: научно-популярное мультимедийное издание. (CD-диск). Новосибирск, 2011. (Серия «Музыкальный фольклор тувинских кожуунов»).

языка. В таких архаичных колыбельных главенствовала не только утилитарная функция усыпления ребенка, но и обрядовая функция магического оберега и продуцирующей магии.

Далее, по мере развития языка и его выразительных средств, в текст колыбельных песен начинают проникать смыслонесущие лексемы, постепенно формируется композиционная дистишная структура, поэтический прием начальной аллитерации стиха. С появлением и развитием песенных жанров их характерные черты начинают проникать в жанр колыбельных песен. Обрядовая функция постепенно начинает уступать место эстетической. Эта тенденция усиливается с включением авторского творчества (сначала народного, а затем самодеятельного и профессионального). Строй колыбельных песен существенно изменяется: упорядочивается структура, появляется устойчивость напева и его связи с поэтическим текстом, характерная для архаического жанра колыбельных импровизационная природа практически исчезает. В колыбельных такого типа на первый план выходит эстетическая, концертная функция.

Важное наблюдение о жанре колыбельных заключается также в том, что «музыкальная стилистика данного жанра находится на пересечении многих жанров. Здесь используется мелодика и ритмика типовых напевов, тремолирование, характерное для скотоводческих заговоров, горловое пение и др. Жанр колыбельных аккумулирует в себе отдельные элементы из разных жанровых составляющих интонационной культуры этноса» [Тирон, 2019, с. 166]. По мнению Н. М. Кондратьевой и Г. Б. Сыченко, именно через колыбельные песни происходит знакомство ребенка с интонационным миром этнической культуры [Кондратьева, Сыченко, 1997].

Список литературы

- Аксёнов А. Н. Тувинская народная музыка. М., 1964. 254 с.
- Кан-оол А. Х. Песенная традиция населения Эрзина: интонационная культура, жанрово-культурологическая типология и вопросы исполнительства // Локальные особенности традиционной культуры жителей Эрзина (исследования и материалы). Кызыл, 2018. С. 159–187.
- Кан-оол А. Х. Колыбельные песни тувинцев Эрзинского кожууна // Колыбельные песни и сказки как педагогическая миниатюра народов мира: Материалы XV Волковских этнопедагогических чтений. Кызыл, 2019. С. 25–29.
- Катицына Н. С. Колыбельные обских чатов // Живая старина. Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. 2010. № 3 (67). С. 18–21.
- Кара-оол Ч. А. Детский фольклор как механизм социализации ребенка в традиционной культуре тувинцев: конец XIX – начало XXI в.: Дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2015а. 136 с.
- Кара-оол Ч. А. Детский фольклор периода младенчества в традиционной культуре тувинцев // Новые исследования Тувы. 2015б. № 1. С. 130–135.
- Кара-оол Ч. А. Материнская поэзия в детском фольклоре // Новые исследования Тувы. 2015в. № 2. С. 61–68.
- Кондратьева Н. М. Колыбельные теленгитов // Музыкальная этнография Северной Азии: Межвузовский сб. науч. трудов. Новосибирск, 1988. Вып. 10. С. 183–196.
- Кондратьева Н. М. Колыбельные телеутов, тубаларов, кумандинцев, чалканцев // Фольклорное наследие Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1989. С. 20–48.
- Кондратьева Н. М., Мазепус В. В., Сыченко Г. Б. К теории интонационной культуры: Интонационная культура теленгитов // Вопросы музыковедения. Новосибирск, 1999. С. 212–225.
- Кондратьева Н. М., Новикова О. В. О результатах музыкально-этнографической экспедиции в Сут-Хольский район Республики Тыва // Народная культура Сибири: Материалы XIV науч. семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 2005. С. 43–45.
- Кондратьева Н. М., Сыченко Г. Б. Алтайцы: алтай-кижи, теленгиты, телёсы, телеуты, тубалары, чалканцы, кумандинцы // Музыкальная культура Сибири: В 3 т. / Гл. ред. Б. А. Шиндин. Новосибирск, 1997. Т. 1: Традиционная музыкальная культура народов Сибири. Кн. 1: Традиционная культура коренных народов Сибири. С. 209–283.

- Куулар Ч. Ч. О поэзии пестования в тувинском фольклоре // Ученые записки ТНИИЯЛИ / Отв. ред. Ю. Л. Аранчын. Кызыл, 1973. Вып. 16. С. 106–115.
- Кыргыз З. К. Песенная культура тувинского народа. Кызыл, 1992. 142 с.
- Кыргыз З. К. Тувинские колыбельные песни // Музыка и время. 2005. № 9. С. 28–30.
- Кыргыз З. К. Тувинские народные песни и обрядовая поэзия. Кызыл, 2015. 432 с.
- Кыргыз З. К. Тувинское горловое пение: Этномузыковедческое исследование. Новосибирск, 2002. 236 с.
- Мазепус В. В. Артикуляционная классификация и принципы нотации тембров музыкального фольклора // Фольклор. Комплексная текстология. М., 1998. С. 24–51.
- Монгуш У. О., Тирон Е. Л. Результаты экспедиции 2015 года в село Кунгуртуг Тере-Хольского района Республики Тыва // Народная культура Сибири: Материалы XXVI науч.-практ. семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 2016. С. 82–90.
- Сыченко Г. Б. Анекдот о находчивой неверной жене: анализ сагайского и тоджинского вариантов // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016. № 2 (вып. 31). С. 107–116.
- Сыченко Г. Б., Тирон Е. Л., Кан-оол А. Х. Результаты полевых и научных исследований Новосибирской консерватории в Республике Тыва (1997–2009 гг.) // От конгресса к конгрессу: Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов. Сб. докладов. М., 2011. Т. 3. С. 281–299.
- Тирон Е. Л. Колыбельные песни тувинцев-тоджинцев // Народная культура Сибири: Материалы XVIII науч. семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 2009. С. 140–145.
- Тирон Е. Л. Типовые напевы *кожамык* тувинцев-тоджинцев // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 31. С. 20–26.
- Тирон Е. Л. Колыбельные песни тувинцев Бай-Тайги // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 34. С. 157–170.
- Тирон Е. Л. Колыбельные овюрских тувинцев // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2022 (в печати).
- Тирон Е. Л., Кан-оол А. Х. О результатах фольклорно-этнографической экспедиции в Овюрский кожуун Республики Тыва // Народная культура Сибири: Материалы XIX науч. семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 2010. С. 75–80.
- Сарыг-оол С. Чогаалдар чыындызы / Собрание сочинений: В 2 т. Кызыл, 1973. Т. 1. 271 ар. (На тув. яз.).
- Ырлар (Песни) / Сост. М. М. Мунзук, Ю. Ш. Кюнзегеш. Кызыл, 1956. 208 с. (На тув. яз.).

References

- Aksenov A. N. *Tuvinskaya narodnaya muzyka* [Tuvan folk music]. Moscow, 1964, 254 p. (In Russ.).
- Kan-ool A. Kh. Kolybel'nye pesni tuvintsev Erzinskogo kozhuuna [Lullabies of Tuvans of the Erzinsky kozhuun]. In: *Kolybel'nye pesni i skazki kak pedagogicheskaya miniatyura narodov mira: Materialy 15 Volkovskikh etnopedagogicheskikh chteniy* [Lullabies and fairy tales as a pedagogical miniature of the peoples of the world: Materials of the 15th Volkov ethnopedagogical readings]. Kyzyl, 2019, pp. 25–29. (In Russ.).
- Kan-ool A. Kh. Pesennaya traditsiya naseleniya Erzina: intonatsionnaya kul'tura, zhanrovo-kul'turologicheskaya tipologiya i voprosy ispolnitel'stva [The song tradition of the population of Erzina: intonation culture, genre-cultural typology and issues of performance]. In: *Lokal'nye osobennosti traditsionnoy kul'tury zHITELEY Erzina (issledovaniya i materialy)* [Local features of the traditional culture of the residents of Erzina (research and materials)]. Kyzyl, 2018, pp. 159–187. (In Russ.).
- Kapitsyna N. S. Kolybel'nye obskikh chatov [Lullabies of Ob Chats]. *Zhivaya starina. Zhurnal o russkom fol'klore i traditsionnoy kul'ture*. 2010, no. 3 (67), pp. 18–21. (In Russ.).
- Kara-ool Ch. A. *Detskiy fol'klor kak mekhanizm sotsializatsii rebenka v traditsionnoy kul'ture tuvintsev: konets 19 – nachalo 21 v* [Children's folklore as a mechanism of child socialization in the traditional culture of Tuvans: the end of the 19th – beginning of the 21st century]. Cand. of Hist. sci. diss. Ulan-Ude, 2015a, 136 p. (In Russ.).

Kara-ool Ch. A. Detskiy fol'klor perioda mladenchestva v traditsionnoy kul'ture tuvintsev [Children's folklore of the infancy period in the traditional culture of Tuvans]. *The New Research of Tuva*. 2015, no. 1, pp. 130–135. (In Russ.).

Kara-ool Ch. A. Materinskaya poeziya v detskom fol'klore [Maternal poetry in children's folklore]. *The New Research of Tuva*. 2015, no. 2, pp. 61–68. (In Russ.).

Kondrat'eva N. M. Kolybel'nye telengitov [Lullabies of Telengits]. In: *Muzykal'naya etnografiya Severnoy Azii: Mezhvuzovskiy sb. nauch. Trudov* [Musical ethnography of Northern Asia: Interuniversity coll. of sci. papers]. Novosibirsk, 1988, iss. 10, pp. 183–196. (In Russ.).

Kondrat'eva N. M. Kolybel'nye teleutov, tubalarov, kumandintsev, chalkantsev [Lullabies of Teleuts, Tubalars, Kumandins, Chalkans]. In: *Fol'klornoe nasledie Gornogo Altaya* [Folklore heritage of the Gorny Altai]. Gorno-Altaysk, 1989, pp. 20–48. (In Russ.).

Kondrat'eva N. M., Mazepus V. V., Sychenko G. B. K teorii intonatsionnoy kul'tury: Intonatsionnaya kul'tura telengitov [To the theory of intonation culture: Intonation culture of Telengits]. In: *Voprosy muzykovedeniya* [Questions of musicology]. Novosibirsk, 1999, pp. 212–225. (In Russ.).

Kondrat'eva N. M., Novikova O. V. O rezul'tatakh muzykal'no-etnograficheskoy ekspeditsii v Sutkhol'skiy rayon Respubliki Tyva [On the results of a musical and ethnographic expedition to the Sutkholsky district of the Republic of Tyva]. In: *Narodnaya kul'tura Sibiri: Materialy 14 nauchnogo seminara Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo tsentra po fol'kloru* [Folk Culture of Siberia: Materials of the 14th scientific seminar of the Siberian Regional University Center for Folklore]. Omsk, 2005, pp. 43–45. (In Russ.).

Kondrat'eva N. M., Sychenko G. B. Altaytsy: altay-kizhi, telengity, telesy, teleuty, tubalary, chalkantsy, kumandintsy [Altaians: Altai-kizhi, Telengits, Teles, Teleuts, Tubalars, Chalkans, Kumandins]. In: *Muzykal'naya kul'tura Sibiri: V 3 t.* [Musical culture of Siberia: In 3 vols]. Novosibirsk, 1997, T. 1: Traditsionnaya muzykal'naya kul'tura narodov Sibiri. Kn. 1: Traditsionnaya kul'tura korennykh narodov Sibiri [Vol. 1: Traditional musical culture of the peoples of Siberia. Bk. 1: Traditional culture of the indigenous peoples of Siberia]. pp. 209–283. (In Russ.).

Kuular Ch. Ch. O poezii pestovaniya v tuvinskom fol'klore [On the poetry of nurturing in Tuvan folklore]. In: *Uchenye zapiski TNIIYaLI* [Scientific notes of TNIIYaLI]. Yu. L. Aranchyn (Ed. in Ch.). Kyzyl, 1973, iss. 16, pp. 106–115. (In Russ.).

Kyrgys Z. K. *Pesennaya kul'tura tuvinskogo naroda* [Song culture of the Tuvan people]. Kyzyl, 1992, 142 p. (In Russ.).

Kyrgys Z. K. Tuvinskie kolybel'nye pesni [Tuvan lullabies]. *Music and Time*. 2005, no. 9, pp. 28–30. (In Russ.).

Kyrgys Z. K. *Tuvinskie narodnye pesni i obryadovaya poeziya* [Tuvan folk songs and ritual poetry]. Kyzyl, 2015, 432 p. (In Russ.).

Kyrgys Z. K. *Tuvinskoe gorlovoe penie: Etnomuzykovedcheskoe issledovanie* [Tuvan throat singing: Ethnomusicological research]. Novosibirsk, 2002, 236 p. (In Russ.).

Mazepus V. V. Artikulyatsionnaya klassifikatsiya i printsipy notatsii tembroy muzykal'nogo fol'klora [Articulation classification and principles of notation of timbres of musical folklore]. In: *Fol'klor. Kompleksnaya tekstologiya* [Folklore. Complex textology]. Moscow, 1998, pp. 24–51. (In Russ.).

Mongush U. O., Tiron E. L. Rezul'taty ekspeditsii 2015 goda v selo Kungurtug Tere-Khol'skogo rayona Respubliki Tyva [Results of the 2015 expedition to the village of Kungurtug in the Tere-Kholsky district of the Republic of Tyva]. In: *Narodnaya kul'tura Sibiri: Materialy 26 nauch.-prakt. seminara Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo tsentra po fol'kloru* [Folk culture of Siberia: materials of the 26th sci. and pract. seminar of the Siberian Regional University Center for Folklore]. Omsk, 2016, pp. 82–90. (In Russ.).

Saryg-ool S. Chogaaldar chyndyzy [Chogaaldar chyndyzy]. In: *Sobranie sochineniy: V 2 t.* [Collected works: In 2 vols]. Kyzyl, 1973, vol. 1, 271 p. (In Tuvan).

Sychenko G. B. Anekdot o nakhodchivoy nevernoy zhene: analiz sagayskogo i todzhinskogo variantov [Anecdote about a resourceful unfaithful wife: an analysis of the Sagai and Tozhu variants]. *Languages and Folklore of the Indigenous Peoples of Siberia*. 2016, no. 2 (iss. 31), pp. 107–116. (In Russ.).

Sychenko G. B., Tiron E. L., Kan-ool A. Kh. Rezul'taty polevykh i nauchnykh issledovaniy Novosibirskoy konservatorii v Respublike Tyva (1997–2009 gg.) [Results of field and scientific research of the Novosibirsk Conservatory in the Republic of Tyva (1997–2009)]. In: *Ot kongressa k kongressu: Materialy Vtorogo Vserossiyskogo kongressa fol'kloristov. Sb. докладов* [From Congress to Congress: Materials of the Second All-Russian Congress of Folklorists. Coll. of reports]. Moscow, 2011, vol. 3, pp. 281–299. (In Russ.).

Tiron E. L., Kan-ool A. Kh. O rezul'tatakh fol'klorno-etnograficheskoy ekspeditsii v Ovyurskiy kozhuun Respubliki Tyva [On the results of the folklore and ethnographic expedition to the Ovyur kozhuun of the Republic of Tyva]. In: *Narodnaya kul'tura Sibiri: Materialy 19 nauchn. seminarov Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo tsentra po fol'kloru* [Folk Culture of Siberia: Materials of the 19th sci. seminar of the Siberian Regional University Center for Folklore]. Omsk, 2010, pp. 75–80. (In Russ.). Tiron E. L. Kolybel'nye ovyurskikh tuvintsev [Lullabies of the Ovyur Tuvans]. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2022 (in print). (In Russ.).

Tiron E. L. Kolybel'nye pesni tuvintsev Bay-Taygi [Lullabies of Tuvans of Bai-Taiga]. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2019, no. 34, pp. 157–170. (In Russ.).

Tiron E. L. Kolybel'nye pesni tuvintsev-todzhintsev [Lullabies of Tozhu Tuvans]. In: *Narodnaya kul'tura Sibiri: Materialy 18 nauch. seminarov Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo tsentra po fol'kloru* [Folk culture of Siberia: Materials of the 18th sci. seminar of the Siberian Regional University Center for Folklore]. Omsk, 2009, pp. 140–145. (In Russ.).

Tiron E. L. Tipovye napevy kozhamyk tuvintsev-todzhintsev [Typical melodies of kozhamyk Tuvians-todzhintsev]. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2015, no. 31, pp. 20–26. (In Russ.).

Yrlar (Pesni) [Yrlar]. M. M. Munzuk, Yu. Sh. Kyunzegesh (Eds.). Kyzyl, 1956, 208 p. (In Tuvan).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
25.02.2022*

Сведения об авторе

Тирон Екатерина Леонидовна – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

E-mail: krupich_katja@mail.ru

ORCID 0000-0001-9012-0476

Information about the Author

Ekaterina L. Tiron – Candidate of Art Studies, Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: krupich_katja@mail.ru

ORCID 0000-0001-9012-0476